

Иосиф КОБЗОН: «Слушать музыку катастрофически нет времени»

Всегда интересно поговорить с человеком, который намного старше тебя. Он может рассказать о том времени, когда были молодыми твои родители. Вспомнить, что смотрели, слушали и читали в то время. Какими были их кумиры. Тем более, когда сам рассказчик герой нескольких поколений.

— Иосиф Давыдович, ваша мать еврейка, отец украинец. В вас течет кровь двух народов, у которых богатые культура и традиции. А на каких примерах выросли вы?

— Знаете, в те времена у нас был единственный источник музыкальной информации — патефон. Поэтому примеров было немного. Петр Лещенко, Вертинский, Козин Владимир Алексеевич, великая Русланова Лидия Андреевна. Потом с конца тридцатых — Шульженко Клавдия Ивановна, Изабелла Юрьева, Леонид Осипович Утесов. Это были кумиры. И мы, естественно, пели их песни. У кого-то из соседей имелся патефон. Света не было. И мы собирались по вечерам всем домом, слушали музыку при свечах, наши родители танцевали. Тогда знали немного танцевальных ритмов: танго, вальс, фокстрот. И все. То же самое было на танцплощадках, в парках.

— А вы помните, когда появился патефон в вашей семье?

— Впервые у нас он появился... Ну во время войны его, естественно, не было. Хотя мама, несмотря на эвакуацию и переезды, возила с собой коробку. Сбику, фанерную. В таких ранше посылки отправляли. И вот в этой коробке хранились пластинки.

— Когда уезжают надолго или совсем, стараются взять с собой самое ценное. Значит, ваша мама очень дорожила ими?

— Да. Она хорошо пела. Для домашнего музицирования. И вот когда мы переехали в Днепропетровск в 50-м году, там-то у нас и появился патефон.

— А какие песни пела ваша мама?

— Из репертуара Клавдии Ивановны Шульженко, романсы. *(Напевает.)* "И вот мы разошлись совсем-совсем чужие..." — это ее любимый. Ей очень нравилось "Утоленное солнце"... В общем, репертуар таких нормальных провинциальных людей.

— Наверное, в своей компании вы пели совершенно иное. Судя по тем татуировкам, которые вы сделали себе в то время. ("Не забуду мать родную". — Авт.)

— "Метель метет". Была такая жутко популярная песня... Как сейчас называют,

когда юноша ухаживает за девушкой?

— Они встречаются.

— А мы говорили: они ходят. Почему?

Потому что девчонке назначить свидание было можно только в двух местах: на танцплощадке или на проспекте Маркса. Его еще называли Бродвеем, а мы — Бродом, "встретимся на Броде". И вот с наступлением вечера улицы, начиная от Карла Либкнехта и заканчивая Садовой, были переполнены "ходячими". А этот проспект разделял бульвар. И там соби-

рались нормальные люди, которые любили еще и посидеть и попеть... *(Поет.)* "Я повстречал тебя впервые, когда волшебница зима, развесив вихри кружевные, порой стояла у окна. Я повстречался с нежным взглядом твоих лучистых светлых глаз. Любовь и счастье встали рядом, и вихри закружили нас. Метель метет..."

— Пели под гитару?

— Конечно. *(Поет.)* "Есть в Индийском океане остров. Название его Мадагаскар. Негр полусаженного роста на флагштоке сушит кружева... Мадагаскар, страна моя... Мы тоже люди, мы тоже любим. Хотя кожа черная, но кровь у нас светлая..." Там такая бытовая трагедия — "убили негра", только другим языком.

— Иосиф Давыдович, как оценивали ваши данные в семье?

— Вы знаете, до тех пор, пока это носило любительский, будем так говорить, характер, невинный, относились нормально. Я без всякого кокетства хочу вам сказать, что мы жили очень скудно. Почему я после 7-го класса, вместо того чтобы продолжить учебу, пошел в горный техникум? Но я всегда любил петь. Безумно. И в техникуме выступал, и завоевывал какие-то призы...

— И в армии были запевалой...

— Все дело в том, что к концу службы я попал в профессиональный коллектив — ансамбль песни и пляски Закавказского военного округа. Мне сказали, что я достаточно способный человек. И там я впервые подумал: а почему бы мне и не попытаться? И когда я демобилизовался, дома собрался семейный совет, чтобы "поздоровкаться" с солдатом. Я объявил, что хочу поступать учиться. Вот тут, конечно, все меня стали жутко критиковать. Единственный человек, который поддержал тогда, была моя мама. Но и она, как потом призналась, сделала это только потому, что была уверена в моем провале. В Москву, из провинции, в солдатской форме...

— Когда вы поступили в Гнесинку и остались жить в столице, ваши музы-

Евгений ЧАКОВСКИЙ

кальные пристрастия изменились?

— Нет. Существенных изменений не было. В институте я был заместителем секретаря комитета комсомола. Отвечал за культмассовый сектор. В то время для творческих вузов выделялась квота на посещение спектаклей и концертов. И вот все эти билеты, контрамарки были в моих руках. Я на протяжении двух лет мог выбирать, куда мне сходить. Прослушал все спектакли Большого. Постоянно ходил в консерваторию. Видел все премьеры драматических театров. То есть пристрастия у меня не изменились. Они расширились. Я слушал Лемешева, Козловского, Пирогова, Иванова, Рейзена...

— И все-таки вы выбрали эстраду.

— Я был влюблен в песню с детства. И потом — мне повезло. Моя работа в жанре песни началась с Островского Аркадия Ильича. Мне посчастливилось прийти эту академию. Нет ни одного более или менее известного композитора, с которым бы мне не выпало счастье поработать. Островский, Колмановский, Фрадкин. Я встречался и работал с Шостаковичем и Хачатуряном. Мурадели, Новиков, Туликов, Эшпай, Милютин, Пахмутова, Френкель, Блантер, Соловьев-Седой — это же антология советской песни. Я прикоснулся к ней. Общался с этими людьми.

— Вы учились на оперного певца. Педагоги советовали вам, что слушать?

— Они предлагали. Я перепел практически всю камерную классику, и зару-

бежную, и отечественную. Шуберта, Шумана, практически всего Рахманинова, Чайковского. И когда мой незабвенный педагог Любовь Владимировна Котельникова ставила вопрос в оперной студии, что мне петь — а я с ней обязательно советовался, — она сдерживала меня, чтобы голос не сорвал. Потому что меня все время тянуло на драматические партии, а она выбирала партии Онегина или Фигаро. Более лирические.

— А они не были против вашего учения эстрадой?

— У нас был очень суровый ректор, Юрий Владимирович Муромцев. В конце 4-го курса он вызвал меня и Виктора Кохно (мы пели с ним дуэтом) и сказал: “Господа, ваши эстрадные штучки мне надоели”. А мы уже тогда были известны. Нас крутили по радио, мы выступали в “Огоньках”. “Все. Выбирайте: или институт, или эстрада”. Виктор выбрал учебу. А я песню. Меня отчислили. И только в 1973 году, когда мои друзья меня совсем застыдили, я решил закончить институт. Пришел к Муромцеву просить разрешения доучиться. Он мне сказал, что нет проблем, но условия те же. Пока я не получу диплом — никакой эстрады. Сдал свои задолженности за 4-й курс, потом экстерном за пятый. И при огромном стечении студентов, преподавателей, композиторов сдал экзамен.

— Что вы слушаете сейчас?

— Это самый большой вопрос. У меня очень хорошая фонотека, но у меня ката-

строфически на нее нет времени. Поэтому слушаю я — как бы вам ни было смешно, а мне стыдно — либо когда по утрам бреюсь, либо в дороге (беру с собой наушники и плеер). Иногда, когда приглашаю друзей — Башмет, Спиваков, Коган, — получается вырваться. И то только на одно отделение. Приду и думаю: “Господи, ну как мне им объяснить, что я такой глупый образ жизни веду”. Мои театральные друзья все время мне выговаривают: “Как тебе не стыдно, ты ведь серый человек! Люди приезжают на премьеру из Владивостока! Мы тебя приглашаем, а ты не приходишь”. Я говорю: “Ну простите меня. Зато моя жена ходит, а по ночам мне рассказывает”. (Смеется.)

— В дороге, или когда бреетесь, что все-таки слушаете?

— Разные совершенно вещи. Очень много нового, меня практически каждый день просят прослушать какое-то сочинение, песню, исполнителя. Слушаю симфоническую музыку, очень люблю скрипичную, фортепианную. Современных исполнителей. И не для того, чтобы мне потом сказали: “О, какой он современный”. Нет. Просто мне интересно.

— Можете назвать своего любимого певца или певцу?

— У меня их предостаточно. Люблю... Двух монстров — Шалапина и Карузо — могу слушать круглосуточно. И мне никогда не надоест. Сейчас в нашей стране очень популярна Монсеррат

Кабалье. А я больше люблю ее в молодости. Совершенно феерическая певица. Люблю вокальное творчество наших бабов: Марка Рейзена, Пирогова, Иванова, Штоколова. Конечно же, наших украинских певцов: Женю Мирошниченко, Белочку Руденко. Это что касается классики. Из эстрады — Нани Брегдадзе. Как она поет русские романсы! Конечно же, Лидию Андреевну Русланову. Мне посчастливилось с ней дружить, и, собственно говоря, она стала причиной того, что я окупился в русскую народную песню. Люблю Леонида Осиповича Утесова и Клавдию Ивановну Шульженко...

— А ближе к сегодняшнему дню?

— Безусловно, Алла Борисовна Пугачева. Я считаю, что несколько в ином жанре, но именно она перехватила эстафету у Шульженко. Я не могу сказать, что, кроме Пугачевой, у нас больше нет талантливых исполнителей. Нет. Но она самая яркая. Из мужчин самым талантливым считаю Муслима Магомаева. Он великолепный музыкант, композитор, у него потрясающий голос. Конечно же, Валерий Леонтьев — это самый работоспособный артист, мастер. Что бы там ни говорили относительно ориентации Бориса Моисеева — это его личное дело, но мне нравится его творчество. Это очень увлеченный, оригинальный, талантливый человек... В общем, у нас яркая эстрада, разнообразная.